

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ, ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК СОЗНАНИЯ

Е. В. Исакова

В статье анализируются основания гендерных установок сознания, а именно – власть, формирующая субъект, обеспечивающая условия его существования; внутренние предпосылки личности и ее архетипические структуры. Приводятся примеры влияния гендерных установок сознания на выбор жизненных стратегий мужчин и женщин.

The article tells about the bases of gender installations of consciousness and about the power, which forms the subject and provides conditions of its existence. It is said about internal preconditions of the person and its archetypical structures. There are examples of gender's installations of consciousness, which influence a choice of vital strategy of men and women.

Ключевые слова: гендер, установки, сознание, власть, свобода, самореализация.

В системе социально-философского знания выделяют два типа гендерных установок: патриархатные (традиционные) и феминистские (эгалитарные) [1, 2].

Для патриархатных (традиционных) установок характерны следующие особенности: убеждение, что в общественных и семейных отношениях должно существовать жесткое разделение мужских и женских ролей; взгляд, согласно которому мужчине принадлежит ведущая, активная роль в семье и обществе, а женщине – подчиненная, пассивная; убеждение, что жизненные ценности женщин и мужчин различны: семья и любовь – главные ценности для женщин; дело, работа, самореализация вне семьи – ценности мужчин; предпочтение семейных отношений, в которых мужчина является главой семьи, вносит основной вклад в бюджет семьи; предписывание женщине в качестве главной ее роли в обществе роли матери, т. е. поведения, связанного с рождением и воспитанием детей; осуждение поведения женщины, в которой доминируют ориентации на самореализацию вне семьи, на карьеру, профессиональные достижения; убеждение, что должны всячески закрепляться и развиваться отличительные черты в поведении девочек; представление о том, что патриархатная модель общества естественна, обусловлена биологическими различиями полов; осуждение равных прав женщины и мужчины.

Феминистские (эгалитарные) установки сознания включают в себя следующие аспекты: осуждение использования биологических половых различий для оправдания жестко закрепленного, подчиненного положения женщины в семье и обществе; неприятие существования в семье и обществе строго закрепленных мужских и женских ролей; осуждение разделения сфер общественной жизни на мужские и женские; убеждения, что женщины и мужчины в современном обществе имеют неодинаковые возможности для самореализации в различных сферах, и такое положение признается несправедливым; принятие образа женщины (гендерного идеала), главными чертами которого являются энергичность, активность, уверенность в себе, стремление к свободе и независимости, деятельность в различных сферах общественной жизни; взгляд, согласно которому для женщины высокую ценность имеют профессио-

нальные достижения, карьера, раскрытие собственных возможностей и способностей, стремление к самореализации; предпочтение семейных отношений, которые не обязывают женщину всю себя отдавать заботе о других; взгляд на воспитание детей, согласно которому общество должно максимально стремиться к равному участию отцов и матерей в жизни ребенка; осуждение отношения к женщине как объекту сексуального угнетения; неприятие двойных стандартов в общественной морали в оценке поведения мужчин и женщин в различных сферах жизни; наконец, убеждение в необходимости глубокого осознания женщинами своего подчиненного положения, желание перемен в общественной роли женщины и понимание важности практических действий в этом направлении.

Таким образом, патриархатные (традиционные) установки провоцируют доминантно-зависимые практики и модели межполового взаимодействия, феминистские (эгалитарные) установки, напротив, ориентируют людей на партнерские отношения [2].

Следует признать, что в массовом сознании россиян доминируют патриархатные (традиционные) установки. Причем на патриархатную модель гендерных отношений ориентирована значительная часть самих женщин. Согласно данным опросов женщин, в шкале представлений о счастье на первом месте стоят дети, семья; на втором – устроенный быт, любовь, муж; на третьем – любимая работа и ее сочетание с семейными интересами; на четвертом – уверенность в себе и необходимость быть полезной людям; на пятом месте – карьера [3]. Таким образом, в массовом сознании россиян мужчина по-прежнему принадлежит внешнему миру, а женщина – мужчине и детям. Именно с таких гендерных позиций наше общество продолжает проводить политику социализации мужчин и женщин.

По мнению Р. Коннелла, биологическая дихотомия, лежащая в основе теории мужских и женских ролей, убедила многих теоретиков в том, что отношения полов не включают измерения власти, «женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию [4]. Однако существует и другая точка зрения – социальное разделение труда между полами непосредственно связано с существующими в обществе власт-

ными отношениями. По мнению автора, гендерные установки сознания создаются при непосредственном воздействии власти, функционально способной формировать субъекты, обеспечивать условие их существования и конструировать «выгодные» зависимости субъектов. Часто власть рассматривается как структура, давящая на субъект извне, субординирующая, ставящая в зависимость и переводящая его в более низкое положение. Это, безусловно, справедливое отношение части того, что делает власть. Но если, следуя М. Фуко [5], понимать власть как формирующую субъект, обеспечивающую само условие его существования и траекторию его желания, тогда власть есть то, от чего мы зависим в самом нашем существовании [6]. Вопрос о том, как субъект формируется в субординации, поднимается и в разделе гегелевской «Феноменологии духа», прослеживающем движение «раба» (несамостоятельного сознания, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность) к свободе и его разочаровывающее падение в «несчастное сознание», то есть раздвоенное внутри себя сознание [7]. По Гегелю, «раб» отбрасывает внешнего «господина» (непосредственного отношения для себя-бытия, которое есть для себя только благодаря некоторому другому), лишь для того, чтобы обнаружить себя в мире этики, подчиненным различным нормам и идеалам. Или, выражаясь по-другому, субъект возникает как несчастное сознание через приложение к себе этих этических законов. Господин, который изначально кажется «внешним» по отношению к рабу, вновь возникает в собственном сознании раба. Таким образом, власть, выглядящая сначала как внешняя, угнетающая субъект, под давлением принуждающая его к субординации, обретает психическую форму, выстраивающую самоидентичность субъекта. «Власть, извне налагаемая на субъекта, субъекция, является также властью, принимаемой самим субъектом, и такое принятие составляет инструмент становления субъектом... Получается, что двойственность субъекции приводит к возникновению замкнутого круга: свобода действия субъекта оказывается эффектом его субординации. Любая попытка противостоять этой субординации будет с необходимостью предполагать её и вновь вызывать к жизни [6]. Любая субординация, предполагающая принудительное повиновение, основывается на желании выжить, поэтому многие придерживаются мнения: «Лучше я буду существовать в подчинении, чем не существовать и плохо жить». Можно заметить параллель с часто встречающимся высказыванием женщин: «Хочу, чтобы рядом был мужчина, и я за ним была как за каменной стеной». Видно, что женщины намеренно, «осознанно» ставят себя в зависимое положение, чтобы выстроить свою социальность, удобную для проживания. Это подтверждает и проведенное исследование «Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится?», в котором женщины предъявляют требования к мужчинам как к «партнерам по жизни», «надежным спинам», за которыми можно было бы спрятаться от житейских передряг [8]. Возможно, такая установка и настройка женского сознания оп-

ределяется доминирующей мужской социальной структурой, поэтому, по мнению Т. Б. Щепанской, необходимо выяснить существуют ли внутренние предпосылки и архетипические механизмы, определяющие именно такой психологический крен в сторону «мужского» [9]. В качестве одной из таких предпосылок выступают метаязыковые конструкты сознания в виде локальных систем смыслов и значений субъекта (доминантных семиотических зон), состоящих из слабо дифференцированных представлений и переживаний в отношении индивидуально значимых областей опыта [9]. Такие конструкты, по мнению Е. Сапоговой, частично могут быть объяснены через понятие «архетип коллективного бессознательного» К. Г. Юнга (в частности, через архетипы «анима» и «анимус»), а также через психологические понятия, установки, самонастройки сознания и др. Одной из установок сознания, закрепленная в понимании субъектов является мысль Ф. В. Ницше: «Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: он хочет» [10]. Мужское и женское сознание можно считать культурно ориентированными на «анимус», на «мужчину внутри». Для большинства мужчин такая ориентация совпадает с биологическим полом, поэтому является естественной, а для женщин является целиком ментальной конструкцией. Как отмечал Ж. Лакан, вообще спецификой феномена женского является тот факт, что женщина должна искать свое означаемое, свою идентичность в ком-то Другом (в мужчине или рожденном ребенке), и именно эта «друговость» женщины является культурной гарантией формирования мужского самосознания [9]. Какие же существуют нормы, действующие как психические феномены, сдерживающие и производящие желание быть зависимым, управляющие формированием субъекта и обозначающие пределы области жизненно пригодной реальности? Одними из таких психических феноменов можно назвать стыд и совесть. Часто мы слышим: «Как мне не стыдно (совестно), столько времени провожу на работе, мало времени уделяю детям». Данное «самоугрызение» совести можно услышать не только от женщин, но и от мужчин. «Я» – это не просто тот или та, кто думает о себе; оно определяется, в первую очередь, способностью к рефлексивному отношению к себе. В следующей цитате Ницше из «К генеалогии морали» можно различить временное схождение фигур гегелевского самопорабления и морализованного «человека» совести по Ницше: «Этот насильственно подавленный инстинкт свободы (для Ницше, понимаемый как воля к власти) ... этот вытесненный, выставленный, изнутри запертый и, в конце концов, лишь в самом себе разряжающийся и изливающийся инстинкт свободы: вот в чем только и была в начале нечистая совесть», связанная с морализацией понятий вины и долга [11]. Для Ницше рефлексивность является следствием совести; познание себя следует за наказыванием себя [11]. Рассматриваемый ницшеански и гегельянски субъект служит сам себе помехой, достигает своего подчинения, желает себе оков и сам их изготавливает, происходит обращение свободы в самопорабощение [6]. По мнению Н. А. Бердяева, «что

он (человек) не только легко попадает в рабство, но он и любит рабство... , если сознание господина есть сознание существования другого для себя, то сознание раба есть существование себя для другого» [12]. Возможно, этим также можно объяснить укрепившуюся в сознании многих женщин подчиненной роли, принятие определённых гендерных установок, понимаемых как субъективной готовности к полотилическим формам и моделям поведения, стремление к исполнению ролей, ожидаемых от индивида определённого пола [13].

Не происходит ли здесь какой-либо переко́с в ущемлении прав и свобод для мужчин и женщин, и что же такое свобода? В философском смысле свобода – это состояние самоопределения субъекта, выбирающего, опирающегося на собственный дух, цели и средства своей деятельности и выступающего тем самым в качестве сознательного и ответственного творца. Чем могущественнее человек, тем шире его возможности, тем значительнее благие или не благие последствия его выбора, тем больше его «авторство» в мире и, следовательно, ответственность [14].

С позиций гуманистической философии последних десятилетий XV века, свобода воспринимается как характеристика очеловеченности жизни. Одним из высших достижений считается учение о достоинстве человека Дж. Пико делла Мирандола: «О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано счастье владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!» [15]. Уровень свободы во многом зависит от отношения к ней как ценности: свободолобие, решимость к самоопределению, к расширению ответственности. Все это непосредственно содействует росту свободы. По мнению Н. Бердяева, справедливость требует свободы для всех людей, свобода человеческой личности не может быть дана обществом и не может по своему истоку и признаку зависеть от него – она принадлежит человеку как духовному существу. Общество, если оно не имеет тоталитарных претензий, должно лишь признать эту свободу [16]. По мысли Э. Фромма, свобода есть и основа достоинства человека, и тяжкое бремя, от которого можно избавиться, лишь отказавшись от себя, от подлинного решения своей задачи [14].

Рассмотрим проблему свободы, которую в философском предметном поле С. А. Левицкий и В. Виндельбанд предлагают анализировать с позиций свободы действия, свободы выбора и самого хотения, или свободы воли [17]. Проблема свободы действия чаще всего сводится к проблеме «практической», заключающейся в беспрепятственном переходе какого-нибудь уже имеющегося у человека желания в движение его тела, соответствующее цели этого желания. Возникает вопрос: реализующееся желание его собственное или навязанное извне чуждыми его «Я» силами? По мнению Б. Спинозы, человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают своё желание, но не знают причин, коими они детерминируются [17]. Возможно, одной из таких причин являются установки сознания, накладывающие свой отпечаток на выбор моделей поведения людей, в том

числе и на рынке труда. Ограничение свободы действия, по мнению В. Виндельбанда, нередко переплетается с внутренним ограничением свободы выбора из-за психического принуждения, угрозы одного человека другому, заставляющего последнего покориться воле первого, таким образом, находясь под психическим давлением, человек из боязни решает подчиниться чужой воле [17]. Если за чужую волю принять решения, идеологию «власти отцов», политической, государственной власти, предопределяющих модели поведения, регламент жизнедеятельности, нарушение которых повлечет за собой наложение каких-либо штрафных санкций, то получается, что большее число ограничений накладывается не на свободу действия, а на свободу выбора действовать так, как хочет моё «я».

С. А. Левицкий утверждает: «Я ничем не гарантирован от того, что то, что представляется мне свободным актом выбора-решения, на самом деле предопределено моим характером, воспитанием, средой... То есть мой, субъективно говоря, «свободный» акт выбора может оказаться на самом деле не выбором, а тем автоматическим следованием «сильнейшему» мотиву, но о силе которого я в данный момент не имею истинного представления» [17]. Получается, что выбор взаимосвязан с мотивами, предопределёнными внутренними и внешними факторами, существующими установками, оказывающими влияние на выбор-решение.

Так, например, исследования трудового поведения населения 1970-80-х годов показали, что женщины предпочитали физически более легкую, менее ответственную и менее напряжённую работу со свободным режимом труда, расположенную вблизи дома. Таким образом, для женщин было важнее месторасположение и режим работы, в том числе работа с неполным рабочим днем или неполной рабочей неделей, позволяющие им заботиться о детях (ребёнке) и выполнять функции хранительницы дома и воспитательницы детей. Для мужчин же важнее деньги, полнота трудовой нагрузки и профессиональный статус работы, позволяющие выполнять функцию кормильца семьи [18].

Проблема свободы воли – центральная тема в философии свободы, и здесь встает следующий немаловажный вопрос, требующий ответа: существует ли свобода хотения, определяющего выбор? На самом ли деле, может человек хотеть то, чего хочет, и находится ли во власти человека это самое первичное его «воление», следствием которого являются выбор и действие? Или, возможно, здесь имеет место наличие нерелефлексированных установок сознания? С. А. Левицкий по этому поводу вопрошает: «Участвовала ли моя воля в творчестве моей судьбы, моего характера, моей личности или я всю жизнь был лишь полем игры внешних и чуждых моему «я» сил?» [17]. Вполне возможно, что происходила просто манипуляция со стороны внешних сил, предопределяющая поведение индивида.

Пытаясь познать человеческую природу, дополняя философское осмысление, психология со своих позиций также пытается дать объяснение феномену «свобода», причем многие положения её теорий

нельзя считать строго фактически доказанными или опровергнутыми, что непосредственно и сближает многие психологические теории с философскими [17]. Психологов в большей степени волнует внутренний аспект свободы: «Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека?... Определяется ли свобода одним лишь отсутствием внешнего принуждения или она включает в себя и некое присутствие чего-то, а если так, чего именно? Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе? ... Не существует ли, кроме врожденного стремления к свободе, – и инстинктивной тяги к подчинению? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение интериоризованным авторитетам, таким, как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения; а если так, то в чем состоит его сущность?» [19].

Существующие различные психологические концепции и подходы, различающиеся в объяснении факторов, определяющих поведение человека, сходны в том, что все они в принципе исключают саму возможность свободного выбора. Так, в психодинамической теории личности З. Фрейда поведение человека контролируется неосознаваемыми психологическими конфликтами и силами, сути которых человек никогда не сможет полностью узнать [17]. Другая точка зрения, Б. Ф. Скиннера, заключается в отвержении идей о внутренних факторах (неосознанных импульсах, архетипах, чертах личности), определяющих поведение человека. Б. Ф. Скиннер утверждал, что поведение детерминировано, предсказуемо и контролируется окружением и наилучшим образом постигается в терминах реакций на окружение. Согласно его воззрениям, наше поведение есть продукт предшествующих внешних подкреплений, и все люди, послушно и пассивно адаптируясь к тому, что диктует окружающая среда, абсолютно зависимы от их прошлого опыта научения. Следовательно, получается, что никто не имеет свободы выбора собственного поведения [17].

Сильно отличается от предыдущих рассуждений мнение А. Адлера, хотя и признающего значимость социальных детерминант личности, в то же время настаивающего на обладании людьми способностью самим творить свою судьбу и преодолевать как свои примитивные побуждения, так и неконтролируемую среду в борьбе за более удовлетворительную жизнь. По Адлеру, люди обладают творческой силой, дающей им возможность формировать цели, принимать решения и выстраивать различные жизненные планы, сопоставимые с целями и ценностями. Эта творческая сила влияет на каждую грань человеческого опыта и делает его свободным (самоопределяющимся) индивидуумом, строителем собственной жизни [17].

Наконец, сильная приверженность свободе отличает и наиболее известного представителя феноменологической психологии К. Роджерса. Он считает, что в трудных жизненных ситуациях, люди в конеч-

ном счете сами принимают решения и сделанный ими выбор определяет направление дальнейшего развития личности даже в большей степени, чем признает экзистенциальная философия. В теории К. Роджерса свобода рассматривается как составная часть тенденции актуализации. Этот некий объединяющий мотив, вдохновляющий и регулирующий все поведение человека, представляет собой «свойственную организму тенденцию развивать свои способности, чтобы сохранять и развивать личность». Тенденция актуализации движет человека в направлении повышенной автономии и самодостаточности [17].

Если же происходит ущемление свободного выбора мужчин и женщин в направлении личностного роста, творчества, самодостаточности, самореализации, то какие чрезвычайно сильные обстоятельства окружения мешают этому процессу, кто стоит за этим и какова технология? Вернемся к рассмотрению вопроса формирования властных отношений. Привязанность к подчинению производится работой власти, и эта часть действия власти является наиболее коварной из её продуктов. Происходит злоупотребление властью, поэтому власть часто трактуют как недвусмысленно внешнюю субъекту, нечто навязываемое субъекту против его воли. Наблюдается определенная манипуляция сознанием, ограничивающая свободу выбора и конструирующая зависимости субъектов. Субъект превращается в существо открытое эксплуатации. С помощью манипуляции, путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения устанавливается господство. Э. Фромм по этому поводу пишет: «В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции... Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем он должен быть. Если он пытается быть самим собой, то ставит под угрозу – в полицейских государствах – свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах – возможность продвижения или рискует потерять работу и, пожалуй, самое главное, рискует почувствовать себя в изоляции, лишенным коммуникации с другими» [20]. Данное воздействие, направленное на психические структуры человека, осуществляясь скрытно, изменяет мнения, побуждения, цели людей в нужном власти направлении. Каким образом это происходит? Джеймс Вайкери, (известный открытием «сублиминальной» (подсознательной) рекламы), изучивший подсознательный фактор в семантике, т. е. воздействие слова на подсознание, открыл, что именно в сфере языка лежат главные возможности манипуляции сознанием. Язык как система понятий, слов, в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения. Существует предположение, что первоначальной функцией слова на заре человечества было его суггесторное воздействие – внушение, подчинение не через рассудок (познание), а через чувство [20]. Да-

же сейчас современный человек ощущает потребность во внушении. Простые, иногда «пустые», ничего не значащие слова, не имеющие никакого смысла, оказывают определенные воздействия. Внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению.

Другой тип воздействия связан с процессом познания. Л. Б. Альберти – один из самых блестящих деятелей итальянского Возрождения – утверждал, что «ценность знания выше всякого богатства» [21], известная фраза «Знание – сила» английского философа Ф. Бэкона также подтверждает могущество знания. За жаждой знания скрывается жажда власти. Тот, кто владеет необходимым в данный момент знанием, обладает властью, или, по-другому, «кто обладает информацией, тот правит миром». Недопущение в мир знаний может представлять собой определенную стратегию власти имущих. Ведь, «чем дальше развивается его (человека) разум, тем более адекватной становится его система ориентации» [22].

Понятно, что успех манипуляции сознанием наполовину зависит от умения нейтрализовать, отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп. Человек, действуя в своих интересах (а не в интересах манипулятора) должен всегда реально оценивать свое настоящее (будущее) состояние, положение, предпринимаемые шаги для достижения поставленных целей и т. д. Соблазн сэкономить интеллектуальные усилия заставляет вместо изучения и осмысления всех ситуаций прибегать к ассоциациям, аналогиям, которые отсылают его к уже изученным состояниям, неким шаблонным решениям. Одним из «материалов», которыми орудует манипулятор, являются и гендерные стереотипы. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события. Ни один человек не может прожить без «автоматизмов» в восприятии и мышлении – обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни психических сил, ни времени [20].

Подводя итоги, можно сказать, что в массовом сознании россиян доминируют патриархатные (традиционные) установки. Причем на патриархатную модель гендерных отношений ориентирована значительная часть самих женщин, придерживающихся симпатий к так называемой традиционной семье: муж – кормилец семьи, жена – домохозяйка. Данные установки базируются на следующих основаниях. Во-первых, на функции власти как формирующей субъект, обеспечивающей условие его существования. «Желание удержаться в собственном бытии требует повиновение миру других, который фундаментально не является чьим-то собственным. Только удерживаясь в инаковости, человек удерживается в «собственном» бытии... Получается, что «желать ситуации своей собственной субординации необходимо для того, чтобы оставаться собой. ...Человек не просто нуждается в признании другого, и форма признания не просто даруется в субординации, но дело скорее в том, что человек зависим от власти в самом своем формировании, что это формирование

невозможно без зависимости, и позиция взрослого субъекта состоит в точности в отрицании и воплощении заново этой зависимости. «Я» возникает при том условии, что оно отвергает свое формирование в ситуации зависимости, которая составляет условия его собственной возможности... «Я» отделено от себя и никогда не сможет вполне стать или остаться собой» [6]. Развитие данной мысли прослеживается у Э. Фромма, который, рассуждая об ориентациях в условиях социализации, о межличностных отношениях, подчеркивает, что при определенных условиях человек, будучи соединенный с другими тесными, крепкими связями, способен утратить или даже никогда не обрести своей независимости. По его мнению, это попытка избежать одиночества, становясь частью другого человека, «растворяясь» в нем. Происходит избавление личности от своего индивидуального «Я», лишение себя свободы и обретение безопасности, полностью подчиняя себя другому человеку [23].

Во-вторых, на внутренних предпосылках и архетипических механизмах, определяющих психологический крен в сторону «мужского». В качестве одной из таких предпосылок выступают метаязыковые конструкты сознания в виде локальных систем смыслов и значений субъекта (доминантных семиотических зон), состоящих из слабо дифференцированных представлений и переживаний в отношении индивидуально значимых областей опыта.

В-третьих, на манипуляции сознанием властью, конструирующей зависимости субъектов. Причем большинством индивидов эти механизмы зачастую не осознаются, не позволяя им своевременно защищаться от нежелательных влияний и препятствовать снижению уровня своей свободы.

Используя объяснения Э. Фромма по поводу построения симбиотической зависимости, связанной со стремлением «растворения» других в себе, можно представить, что власть будет стремиться к созданию условий, не позволяющих субъекту быть свободным и независимым, поскольку это исключает тот факт, что субъект принадлежит власти [23]. Власть, воздействуя на сознание людей, выстраивает для себя «удобную» реальность, порождает зависимость, создавая ложное направление свободы. Человек перестаёт действовать в соответствии со своими интересами и целями, «неосознанно подчиняясь» осознанно создаваемым властью манипуляциям. Как точно заметил Н. Бердяев, «свобода есть не право, а обязанность». И если в следующем его высказывании заменить слово «либералы» на «власть», то более точного выражения подтверждения для чего все это делается не найти. Итак, «власть понимает свободу как право, а не обязанность, и свобода для неё означает лёгкость и отсутствие стеснений. Поэтому свобода превращается в привилегию господствующих классов» [16], возможно, в современном мире в большей степени, принадлежащей мужчинам.

Литература

1. Нечаева, Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира [Текст] / Н. А. Нечаева // Гендерные тетради. Выпуск первый; отв. ред. А.А. Клецин. – СПб.: Спб. филиал Института социологии РАН, 1997. – С. 17 – 44.
2. Клёцина, И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика [Текст] / И. С. Клёцина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
3. Силласте, Г. Г. Эволюция духовных ценностей россиянок в новой социокультурной ситуации [Текст] / Г. Г. Силласте // Социс №10. – М.: Наука, 1995. – С. 88 – 95.
4. Коннелл, Р. Современные подходы [Текст] / Р. Коннелл // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы; под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 251 – 279.
5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Текст] / М. Фуко; пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448с.
6. Батлер, Д. Психика власти: теории субъекции [Текст] / Джудит Батлер; пер. Завена Баблюяна. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. – 2002. – 168 с.
7. Гегель. Феноменология духа [Текст] / Гегель // Сочинения. Т 4. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – 440 с.
8. Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? [Текст] / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 168 с.
9. Сапогова, Е. Е. Гендерные концепты сознания в контексте социокультурной психологии [Текст] / Е. Е. Сапогова // Языки и картина мира: материалы Всерос. науч. конф. 12-15 марта 2002 г. / под ред. М. Ф. Чикуровой. – Тула: ТулГУ, 2002. – С. 132 – 139.
10. Ницше, Ф. В. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. В. Ницше. – СПб.: Азбука; Книжный клуб «Терра», 1996. – 334 с.
11. Ницше, Ф. К генеалогии морали [Текст]: соч. в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем.: Ю. М. Антоновский, Н. Полилов, К. А. Свасьян, В. А. Флёрова; сост., ред. и автор примеч. К. А. Свасьян. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 [1] с.
12. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека [Текст] / Н. А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря; сост. и послесл. П. В. Алексеева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1995. – С.4 – 162.
13. Изучение гендерных характеристик личности методом психологической самодиагностики [Текст]: практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – 253-297с.
14. Краткий философский словарь [Текст] / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]; под ред. А. П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – 496 с.
15. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) [Текст] / сост., общ. ред., вступит. ст. и коммент. д-ра ист. наук Л. М. Брагиной. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. – 382 с.
16. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря [Текст] / Н. А. Бердяев // Царство Духа и царство Кесаря; сост. и послесл. П. В. Алексеева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1995. – С. 288 – 356.
17. Шабанова, М. Социология свободы: трансформирующееся общество [Текст] / М. Шабанова // Серия «Монографии». №8. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 315 с.
18. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» [Текст] / под ред. Н. М. Римашевской. – М.: ИСЭПН, 2001. – 320 с.
19. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм; пер. с англ. Г. Ф. Швейника; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
20. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
21. Брагина, Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV века) [Текст] / Л.М.Брагина. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – 304 с.
22. Фромм, Э. Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу [Текст] / Э. Фромм // Искусство любить; пер. с англ. Л. Б. Трубицина, А. В. Ярхо, А. С. Соловейчик; под ред. Д. А. Леонтьева. – 2-е изд. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 11 – 68.
23. Фромм, Э. Человек для себя [Текст] / Э. Фромм. – Мн.: Харвест, 2003. – 352 с.